Глава четвертая: Цзи Яо

Цзи Яо. Его старший брат-наставник. Будущий глава Даосской Обители Чистого Холода.

Система не могла рассказать Гу Саню о его конечном исходе, но могла поведать кое-что о других. Гу Саню приходилось следовать по пути судьбы Гу Санцина, однако перед ним был лишь общий маршрут без каких-либо деталей. В конце концов, Гу Санцин не был главным героем, и его жизнь автором до конца не была прописана. Поэтому Система предлагала разделить всё на этапы и позволить событиям идти своим чередом — главное, чтобы общее направление было верным.

Первым шагом была Стадия Закладки Основания в десять лет.

Гу Сань чувствовал себя несколько неловко, ему казалось, что Система сейчас начнет рассуждать о том, что в решении проблем нужно ухватиться за главное противоречие, или же о том, что в противоречии нужно смотреть на главную сторону? А может, о связи между качественными и количественными изменениями? Честно говоря, в политических науках он был совсем не силен.

Система выдала ему книгу для начинающих. Стоило ему лишь сосредоточиться, как перед глазами сами собой возникали письмена. Гу Санцин, обладатель Тела Сотни Путей, был одарен небесами, и путь культивации для него был невероятно гладким. Гу Сань, пользуясь преимуществами этого тела и книгой от Системы, в дополнение к упражнениям для начинающих из Даосской Обители Чистого Холода, начал практиковаться вполне умело.

Зал Яоань был местом обитания Цзи Яо. И это было верно: Гу Санцин был слишком мал, а его природный талант — слишком велик. Ни дед-наставник, ни отец не могли взять его к себе, поэтому пришлось искать компромисс и передать мальчика под опеку старшего ученика из ветви главы секты — Цзи Яо. Цзи Яо обладал первоклассным обликом небожителя и истинным достоинством старшего брата, так что он неплохо справлялся с воспитанием Гу Санцина.

Даосская Обитель Чистого Холода действительно оберегала Гу Санцина со всей тщательностью: на Горе Яоань и в Зале Яоань было расставлено множество магических барьеров. О Гу Санцине мало кто знал, и даже родной отец не мог видеться с ним часто. В самом зале не было ни одного живого человека — только марионетки, приводимые в действие главой секты и старейшиной Гу.

Если бы я был обычным ребенком, то рано или поздно сошел бы с ума, — шутливо заметил Гу Сань Системе.

Цзи Яо был хорошим старшим братом, а марионетки — хорошими марионетками. Гу Санцин, будучи еще совсем крохой, начал заучивать тексты для просвещения. От усердного повторения он последние дни даже изъяснялся исключительно книжным стилем.

Цзи Яо брал его за руку, помогая выводить иероглифы. Кисть за кистью: Чистый ветер и ясная луна, холодные воды жалеют цветы, созерцая бескрайность неба и земли, не ищи пристанища в одном уголке.

Гу Санцин молочным голоском спрашивал: Что это значит?

Цзи Яо улыбался, не отвечая. Он раз за разом гладил Гу Санцина по волосам, а в конце смеялся: Когда-нибудь… ты сам поймешь.

Затем он начинал учить его другим словам. Иероглифы здесь были по большей части сложными, и Гу Сань совершенно не мог их разобрать. Впрочем, он был не против побыть ребенком и позволял Цзи Яо учить себя.

Зал стоял на утесе, рядом шумел лес, а в лесу притаился пруд. Пейзажи Горы Яоань были великолепны, полны такой широты, какой Гу Сань никогда прежде не видел. Красные цветы, зеленая листва, утренняя заря, заливающая небо.

Цзи Яо постоянно тайком приносил ему лакомства и игрушки. В его рукавах, казалось, скрывалось неисчерпаемое множество диковинок: паровые булочки, закуски, семечки, сладости… но больше всего было рисовых лепешек. Гу Сань сказал, что любит рисовые лепешки. Больше всего на свете.

В свободное время он сидел на дереве, болтая ногами и грызя лепешку. Цзи Яо мастерски владел мечом и рассказывал Гу Саню, что в Даосской Обители Чистого Холода каждый умеет танцевать с мечом. Его меч назывался Юаньчжи, что звучало довольно по-женски. Меч был невероятно тонким и длинным, и когда он двигался, то стряхивал с рукава целую охапку лепестков персика.

Гу Сань, держа во рту лепешку от Цзи Яо, внимательно наблюдал за его танцем. Чистый ветер ласкал лицо, лепестки кружились в воздухе. Черные, как тушь, волосы, белые одежды, подобные снегу, и нарисованные на них красные сливы. В движениях Цзи Яо, в покое и в действии, словно расцветали тысячи холодных цветов посреди зимней стужи, а прямо перед глазами падали звезды.

Гу Сань смотрел, не отрываясь, и откушенный кусок лепешки выпал из рук на землю. Цзи Яо оглянулся с улыбкой, легкое движение запястья — и блеснули блики меча. Гу Сань смотрел, совершенно очарованный.

Цзи Яо давал ему еще одну лепешку и снова брался за меч. Гу Сань хлопал в ладоши: Хорошо!

Непонятно было, хвалил ли он Цзи Яо или же вкусную лепешку. Цзи Яо был искусен в игре на гуцине: рядом с его столом стоял семиструнный инструмент. В редкие часы досуга он играл для Гу Саня. Пальцы двигались плавно, звуки музыки лились неспешно. А вслед за ними — и само время в этом мире.

Гу Сань с леденцом за щекой устраивался на коленях у Цзи Яо. Леденец был сладким, поэтому и звуки гуциня казались сладостными. Цзи Яо, считая его слишком юным, не требовал усердия в культивации. Напротив, он учил его писать, играть на гуцине, держать меч, рисовать и даже наставлял: Обладай душой, вмещающей весь мир, и не жалей о сделанном ходе.

Гу Сань прищуривался, притворяясь, что не понимает, щелкал семечку и, склонив голову набок, спрашивал: Так если не делать ни одного хода, не станет ли тогда совсем хорошо?

Цзи Яо щелкал его по носу и смеялся: Хитроумные доводы.

Гу Санцин разворачивал леденец и прижимал его к языку. В мягком свете свечи плечи Цзи Яо были теплыми, как утреннее солнце.

http://bllate.org/book/30708/3743231